РАЗСКАЗЪ
СОЛДАТА СИДОРОВА

ПРИ

БОМБАРДИРОВАНІИ СЕВАСТОПОЛЯ

АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ

Москва.
1855

РАЗСКАЗЪ
СОЛДАТА СИДОРОВА
О
ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ,

ПРОИСХОДИВШИХЪ

ПРИ

БОМБАРДИРОВАНІИ СЕВАСТОПОЛЯ
АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ

Соч. И..... Б.....

МОСКВА.
Въ типографіи М. Смирновой.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 11 дня, 1855 года.

Ценсоръ *В. Флеровъ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РФСР
Инвент. № 374846
19 г.

НИЖЕСЛЬДУЮЩІЙ РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ СОЛДАТАМИ, КОТОРЫХЪ ИМЕНА: СИДОРОВЪ И АНДРЕЙ — ПСЕВДОНИМЫ, ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ВАГЕНБУРГѢ, ВЪ ПОЛОВИНѢ ОКТЯБРЯ 1854 Г.

Нестрашны вы, безумные витіи,
Для Русскихъ силъ ни словомъ, ни мечемъ!
Валъ не сломитъ могущества Россіи:
Она крѣпка, сильна — какъ Божій громъ!
Предательски насъ больше не обманутъ....
Пускай грозитъ кровавая война:
Съ Царемъ родным всѣ Русскіе возстанутъ
И всѣхъ его народовъ племена!

П. Григорьевъ 1-й.

Андрей *(молодой солдатъ изъ новобранцевъ).*

Экія времена пришли, братцы, на насъ грѣшныхъ! Поднялись западные народы на наше милое Оте-

чество; выползли морскія чудища: Англичане и Французы съ своими закадышными сотоварищами, съ Турками; выползли, аки раки какіе на нашу землю родимую. Видно хотятъ басурманы, по своему свычаю и обычаю, грабить нашу матушку Русь православную.

Сидоровъ, *(старый, посѣдѣлый солдатъ).*

Хотятъ-то, хотятъ; да удастся ли этимъ нахаламъ?—какъ бы не пришлось имъ на ней и лапки оставить! Куда имъ тягаться съ нашей матушкой Россіею, да съ нашимъ Батюшкой Царемъ! Можно ли съ такими родителями намъ, вѣрнымъ сынкамъ ихъ, хоть на грошъ уступить въ чемъ нибудь врагамъ нашимъ?...

Слыханое ли дѣло, чтобъ еретикамъ можно было пересилить православныхъ! Вѣдь стоимъ-то мы за что, знаешь ли ты? — Стоимъ мы и проливаемъ кровь за Вѣру истинную, за угнетенныхъ невѣрными собратій нашихъ; стоимъ за христіанъ, живущихъ въ Туретчинѣ, которыхъ нехристи всячески тѣснили, надъ которыми всячески глумились: вѣшали, топили, жгли огнемъ, не давали имъ ни суда ни расправы, считали ихъ хуже собакъ, прости Господи! — А враги наши за что подняли на насъ оружіе? — Ну, Турки знамо дѣло — стоятъ за своего Магомета да за луну, которой они покланяются; стало быть стоятъ за обманщика—пророка, который теперь въ аду терпитъ горькую участь за

свои соблазны и мерзостныя дѣла. Ну, Туркамъ это сродно; — они испокони вѣковъ непримиримые ненавистники Креста Господня. Англичане за что возстали на насъ? Надобно тебѣ знать, что эти любезняки Англичанс — народъ торговый, лакомый до барышей, — ну, какъ у насъ на Руси зовутъ, кулаки, — который изъ-за корысти готовъ на всякую пакость. Вотъ, Англичане и предложили, по своимъ барышническимъ расчетамъ, помощь Туркамъ. Да мало того, что промѣняли христіанъ на басурмановъ, противниковъ Креста, эти Англичане подговорили съ собою и Французовъ: мы де и то—и то сдѣлаемъ, и такую — мылъ и сякую пользу приобрѣтемъ отъ войны съ Россіею. Ну, Французъ

забывъ, какъ его угощали у насъ въ 12-мъ году, тоже поднялся на наши земли; поднялся, не спросясь съ умомъ — разумомъ, — такъ себѣ, очертя голову,—знамо дѣло, народъ вѣтреный. Просто-за-просто сказать, эти два Западные народца удивили всю Европію, осрамились на вѣкъ, обосурманились! Видано ли, слыхано ли, чтобъ два христіанскіе народа вступили въ союзъ съ нехристями — и противъ кого же? — Противъ православныхъ, вызванныхъ басурманами за Крестъ Святой Господень! — Ну, какіе же они христіане? А? ...

Андрей.

Да развѣ, Сидоровичъ, Англичане и Французы не басурманы? А я

такъ и думалъ себѣ, что они такіе же басурманы, какъ и Турки!...

Сидоровъ.

Да ты, братъ, почти и не ошибся. Хоть они и называются христіанами, да по своимъ-то поступкамъ не стоятъ этого названія. Кто не знаетъ ихъ дѣловъ, тотъ, пожалуй, и сочтетъ ихъ за православныхъ. Какъ сами себя начнутъ они выставлять; то подумаешь, что они праведники и не вѣсть какіе. Но мы ужъ знаемъ всю ихъ поведенцію! Ну, самъ ты умная голова, разсуди, — какіе же христіане тѣ люди, которые нападаютъ на беззащитныхъ и, зная, что не будетъ сопротивленія, безнаказанно грабятъ тѣхъ, которые ихъ послабѣе.

отнимаютъ у нихъ все, даже до послѣдней одежины и, мало того, предаютъ пламени то, чего не могутъ захватить съ собою? Христіане ли тѣ безумцы, которые забыли даже, какъ велики и священны дни страданія и смерти Христа Спасителя? Нѣтъ! только одни лицемѣрные поклонники Господа Іисуса могли дерзнуть въ день Великія Субботы на внесеніе въ мирную Одессу огня, смерти и разрушенія. Да развѣ можно назвать христіанами тѣхъ, которые нападаютъ на Святыя обители смиренныхъ, благочестивыхъ иноковъ, громятъ ихъ тихія жилища, поражаютъ ядрами иконы Святыхъ — страшно и подумать!—поразили ликъ Святыя Дѣвы Владычицы нашей Богородицы? Знаетъ ихъ твердо

Соловецкій монастырь и шлетъ свои слезныя жалобы къ Богу отмщеній! Если все поразсказать про ихъ пакостныя дѣла противъ православныхъ, такъ уши, братецъ ты мой, завянутъ.

Андрей.

Все это такъ—таки, Сидоровичъ, дѣло, кажись, ясное; да я-то, какъ умомъ не развожу, а понять не могу: вѣдь они христіане — ну, хоть плохіе, да все-таки сколько нибудь вѣруютъ въ Бога — такъ какъ же они могли вступиться за невѣрныхъ.

Сидоровъ.

Эхъ! любезный, — молода въ Саксоніи не была! — Вишь ты какой,—

въ политику лѣзешь! Хоть и не наше бы дѣло солдатское разсуждать объ этомъ; однако надобно тебѣ поразъяснить, въ чемъ тутъ исторія. Нашъ Батюшка Государь, соболѣзнуя сердечно о христіанахъ, живущихъ въ Туретчинѣ, просилъ Турскаго Салтана, что-бы онъ прекратилъ свои жестокія свирѣпства противъ единовѣрныхъ собратій нашихъ; но его султанское величество и уши себѣ заткнулъ, — знать ничего не хочетъ! Знамо дѣло, пошла разладица, и началась война между Туретчиной и Россіею. — Батюшка Царь никакъ не желалъ кровопролитія и все ждалъ: — авось либо его Турское величество опомнится, да пораздумаетъ хорошенько. Можетъ быть Салтанъ и склонился

бы сдѣлать удовлетвореніе на требованія Россіи; да вдругъ,— поди ты, какъ совки! — Англичане и Французы стали нашептывать Салтану: не мирись!—хотятъ-де тебя Русскіе подвести къ себѣ въ зависимость, а потомъ — мылъ и имперію твою приберутъ къ себѣ въ руки. Не мирись!— мы тебѣ поможемъ.» Турка согласился на союзъ съ этими державами, которыя и объявили войну противъ Россіи.—А чтобы скрыть свои корыстолюбивыя намѣренія и дать дѣлу благовидныя причины, Англичане и Французы разгласили по бѣлому свѣту, — да кто-то имъ вѣритъ?—что начинаютъ они съ нами войну для того, чтобъ защищать и сохранить независимость и достоинство Салтана, на которыя будто бы

мы посягали. Ну, теперь смѣкаешь ли ты, въ чемъ тутъ дѣло-то?

Андрей.

Теперь я вижу, какіе пѣтухи эти Англо-Французы. Ужъ больно хитры не кстати! — лѣзутъ въ драку кругомъ виноватые, а еще выставляютъ на показъ добрымъ людямъ, что—мылъ чисты мы и правы душею, дѣлаемъ дѣло законное. — А ужъ сколько не хитрить имъ; а мы—рано ли поздно ли — выведемъ ихъ на свѣжую воду.

Сидоровъ.

Объ этомъ и думать нечего. Это такъ вѣрно, какъ Богъ святъ. Поплатятся непрошеные гости намъ за

всѣ неправды и злоумышленія свои. Не мы виноваты, не мы причиной войны; они начали ее и стали грабить землю Русскую, забывъ неоспоримую истину: на начинающаго возстанетъ Самъ Господь. Исполнится слово Царя Батюшки, — слово, вышедшее изъ глубины сердца Его, — а сердце Его въ рукѣ Божіей — *Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его!* — *(Андрей и другіе раненые солдаты, въ этомъ лазаретѣ находящіеся, крестятся и, съ восторженною твердою надеждою на Бога силъ, восклицаютъ:* да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!») Идите, идите къ намъ враги съ своими кознями!—идите!—могилы вамъ готовы будутъ на берегахъ Россіи!...

Андрей.

А что, Сидоровичъ, хочу я тебя спросить объ одномъ — мнѣ самому не удалось извѣдать храбрости этихъ троихъ союзниковъ — скажи, пожалуйста: храбры ли они и хорошо ли дерутся? Мнѣ не удалось хорошенько развѣдать этого; потому что при первомъ сраженіи, да и въ самомъ началѣ, меня хватило чинепкою и уложило въ лазаретъ. Ну, а ты—человѣкъ бывалой, много походовъ сломалъ; такъ ужъ навѣрно знаешь всю подноготную.

Сидоровъ.

Гмъ!... Какъ бы тебѣ сказать повѣрнѣе о храбрости этихъ народцевъ: — храбры-то они храбры, да

не такъ, какъ подобаетъ присяжному солдату. Вотъ Турка, напримѣръ. такой глупый народъ, что и говорить-то не хочется. Учнетъ себѣ сначалава арать: алла, да алла! и, какъ шальной, такъ и лезетъ съ горяча на что ни попало. А какъ мы, перекрестясь да сотворя молитву, станемъ раздѣлываться съ нимъ по свойски—примемъ его въ штыки;—такъ онъ задастъ тягу, бѣжитъ, какъ угорѣлый, вылупивъ глаза, и ужъ никакой обороны не даетъ; тогда и колоть-то его жалко! Народъ заслабый эти Турки, и драться-то съ ними жаль! — Англичане только тогда храбры, когда далеко стоятъ отъ насъ: близко какъ-то они не-охочи подходить — куда какъ они боятся смерти! Храб-

ры они, когда ихъ приходится десятками на одного Русскаго солдата; храбры тогда, когда видятъ, что непріятель ихъ безоруженъ, когда онъ мирный гражданинъ, а не воинъ. А какъ увидятъ они, что есть для нихъ опасность, то — поминай, какъ звали — и давай Богъ ноги. А ужъ легки на ногу! куда какъ легки! Ну, и выходитъ, что храбрость-то ихъ фальшивая монета. Да и нельзя ожидать отъ нихъ настоящей храбрости: народъ они изнѣженный, лакомка, воспитанъ на соусахъ, кофіяхъ да сахарахъ, спать на голой землѣ безъ одѣяла не можетъ — боленъ будетъ! — а давай ему вишь тюфяки да ночные колпаки — Ну, солдату ли такъ прихотничать? А ужъ какъ больно Русскому сердцу

теритѣть, что эти озарники, которыхъ соотечественники приняты были на Руси радушно, какъ почетные какіе гости, — получили на ней мирный, спокойный для себя кровъ, жили и живутъ привольно, безъобидно, и которыхъ въ нашей землѣ такъ ласкаютъ,—больно смотрѣть теперь, какъ эти заморскіе трусы, забывъ въ неблагодарности своей все сдѣланное имъ добро и нашу хлѣбъ-соль, измѣннически и коварно возстали на насъ, соединясь съ врагами Креста Господня! Они неблагодарно-вѣроломные внесли въ Отечество наше хищническую войну, грабятъ, убиваютъ беззащитныхъ, разрушаютъ храмы Божіи, тащатъ церковную утварь и деньги и проливаютъ неповинную кровь

христіанъ православныхъ. Господи! излечи раны мои, подыми меня съ одра болѣзни, допусти послужить меня за Имя Твое Пресвятое, за милое Отечество и за Царя Благочестиваго! Французы дерутся храбро, но худо платятъ намъ за хлѣбъ и соль нашу.

Андрей.

Если бы ты, голубчикъ Сидоровичъ, заглянулъ теперь въ мое сердце; увидалъ бы, что оно такъ и горитъ, такъ и рвется на враговъ нашихъ, святотатцевъ, которые не щадятъ даже святыни нашей, драгоцѣннѣйшей для насъ болѣе жизни нашей. Авось либо скоро дождемся опять золотаго времячка подраться съ нечестивыми непріятелями на-

шими! Авось либо скоро заживутъ наши раны, и мы опять пойдемъ на службу Царскую! А то съ чѣмъ я домой-то явлюсь? Спросятъ отецъ съ матерью да жена: что, Андрюха, какъ служилъ, много ли враговъ угомонилъ? Разскажи намъ про сраженія, въ которыхъ ты былъ? «А я что скажу въ отвѣтъ,—стыдно и сказать—только одного мылъ Француза удалось угомонить наповалъ пулею, да что мылъ въ первомъ сраженіи получилъ рану и все время военное пролежавъ въ лазаретѣ, ничего не видалъ и не слыхалъ хорошаго. Стыдно! братъ, сказать это, право, стыдно! А что, Сидоровичъ, хочу я тебя попросить кой-о-чемъ. Ужъ если, можетъ быть, мнѣ на роду написано не драться съ этими

теперешними врагами нашими; то, будь другъ—поразскажи что нибудь о сраженіяхъ, въ которыхъ ты бывалъ. Я, наслушавшись рѣчей твоихъ, хоть буду разсказывать и не про себя добрымъ людямъ; да все таки лучше разсказать что нибудь про подвиги другихъ, нежели совсѣмъ не знать ничего. Если въ моготу твоей милости; то ужь уважь, пожалуйста, мою къ тебѣ просьбишку.

Сидоровъ.

Пожалуй! Я не прочь отъ этого, разскажу тебѣ о томъ, какъ была осада Севастополя, произведенная непріятелемъ 5 и 6 Октября, послѣ которой я былъ отправленъ въ лазаретъ; потому что мнѣ сильно вра-

жескос ядро повредило ногу. Перваго Сентября нынѣшняго года появилась въ морѣ Черномъ предъ Евпаторіею несмѣтная непріятельская сила на многочисленномъ флотѣ, и высадилась на берегъ между этимъ городомъ и деревн. Каптугаемъ. Тебѣ, Андрюша, этотъ день долженъ быть памятенъ; потому что, какъ ты сказывалъ, въ это время чиненка угостила тебя порядочно.

Андрей.

Какъ же мнѣ не помнить этого дня! Въ это-то время меня и хватило чиненкою въ плечо,—Помутился у меня въ глазахъ бѣлый свѣтъ; потерялъ я память и не знаю ужъ, какъ меня отправили въ лазаретъ.

Сидоровъ.

Ну вотъ, съ 1-го Сентября и начались у насъ съ врагами стычки, и не проходило ни одного дня безъ драки съ супостатомъ. Англичане и Французы и справа и слѣва тѣснили насъ своими громадными силами; не давали, что называется, перевести намъ духу. Но какъ враги не силились, ничего не выиграли: мы съ надеждою на Бога, твердо отстаивали ихъ напоръ; тысячами головъ своихъ платилъ намъ непріятель за каждый шагъ земли нашей. Много было и хорошихъ и порядочныхъ стычекъ; но какъ эти стычки посравнить съ бомбандированіемъ Севастополя, происходившимъ 5-го и 6-го Октября: то онѣ почти ужъ ничего и не стоятъ пе-

редъ нимъ, какъ карлики предъ великаномъ. Вотъ какъ было это дѣло. 2-го Октября непріятельскія войска расположились съ южной стороны Севастополя и приступили къ осаднымъ работамъ: стали строить траншеи въ двухъ разныхъ мѣстахъ противъ нашей крѣпости, но въ довольно большомъ разстояніи отъ ней. Всѣ работы свои произвели непріятели машинами, которыя они привезли съ собой на кораблѣхъ, и тысячами валили мѣшки съ землею для устройства траншей своихъ. Наша крѣпостная артиллерія не дремала въ это время: дѣйствовала безпрерывно она противъ поставляемыхъ непріятелемъ укрѣпленій, дѣйствовала голубушка ядрами да бомбами такъ удачно, что всѣ

труды и работы Англо-Французовъ уничтожала своими выстрѣлами и никакъ не дала врагамъ поставить ни одной батареи. Такъ мы подчивали гостей днемъ, которые всячески старались укрѣпить свое правое крыло и открыть траншеи противъ Малаховой башни. Лишь только настанетъ ночь, какъ изъ города зачнутъ малыми отрядами дѣлать вылазки войска наши и не даютъ покою и во тмѣ ночной непріятелямъ: то съ той, то съ другой стороны тревожатъ ихъ сильно своими нечаянными нападеніями. Но, не смотря на всѣ препятствія и значительнѣйшія потери съ ихъ стороны, наконецъ удалось какъ-то Англичанамъ и Французамъ, въ ночь съ 4 го на 5-е Октября, прорѣзать амбразуры

въ устроенныхъ ими траншеяхъ и поставить значительное число орудій.

Андрей.

Вотъ я тутъ не домекаю, отчего Севастополь такъ сильно ихъ тянетъ къ себѣ, когда въ немъ столько опасностей для нихъ? Кажется, что это не въ ихъ натурѣ — имѣть такую стойкость; надобно бы, по ихъ обычаю, имъ и отойти отъ этой гибельной для нихъ твердыни, когда видятъ, что ихъ дѣло не выгораетъ.

Сидоровъ.

Ты говори! — Вѣстимо дѣло, что для нихъ это опасное мѣсто; да у враговъ-то нашихъ сильное, задушевное желаніе овладѣть этой крѣпостію. Они давнымъ-давно и во снѣ

и на яву бредятъ: какъ бы имъ, какими бы то ни было средствами, отторгнуть Таврическій полуостровъ отъ владѣній нашего Батюшки Царя. Если бы имъ удалось достигнуть этого; то у нихъ отъ радости, какъ говорится, и ушки были бы на макушкѣ. Да надобно спросить насъ, отдадимъ ли мы это священное для Русскихъ мѣсто?

Андрей.

Что же, Сидоровичъ, — развѣ мы давно владѣемъ этимъ полуостровомъ?

Сидоровъ.

Давно-то, не давно; только лѣтъ семьдесятъ, какъ этотъ полуостровъ, при покойной Императрицѣ Екатеринѣ присоединенъ къ Россіи. Да тутъ дѣло не во времени; а въ томъ,

что мы владѣемъ этою землею крѣпко. Вѣдь тебѣ мило то мѣсто, въ которомъ ты крестился? Такъ и для Россіи драгоцѣнна эта земля потому, что въ ней получилъ крещеніе Россійскій Князь, Святый Равноапостольный Владиміръ; получилъ его въ г. Херсонѣ, вотъ въ томъ, котораго развалины находятся близъ Севастополя. Если крестился Князь Владиміръ; то значитъ, что въ лицѣ Его крестилась вся земля Русская. Мы связаны съ этой землей неразрывными духовными узами; — такъ можетъ ли это статься, чтобъ мы отказались отъ нея? Вѣдь она, какъ бы папа давнишняя собственность, давнишнее наслѣдіе, отказанное намъ Равноапостольнымъ Владиміромъ!

Андрей.

Вишь ты, чего захотѣли эти дурни Англичане, Французы и Турки! Захотѣли они отнять купель крещенія у Россіи! Кликнетъ нашъ Батюшка Государь кличъ, — тогда и съ сѣвера и съ запада и съ востока и съ юга возстанетъ Русь; старъ и младъ возмутъ оружіе въ руки и Крестъ въ сердце и пойдутъ на враговъ вѣры и Отечества; пойдутъ и крѣпко напомнятъ супостатамъ 12 годъ, въ который и бабы наши деревенскія воевали, и десятками и сотнями брали Французовъ въ плѣнъ и перегоняли изъ города въ городъ по этапу! — Идите завистники Россіи, идите къ намъ! — но помните, что васъ ждутъ на берегахъ нашей земли православной—могилы, могилы и могилы!

Сидоровъ.

Аминь! Пріятно мнѣ, Андрюша, слышать умныя твои рѣчи. — Ну, вотъ я сказалъ, что Англо-Французамъ удалось, ночью на 5-е Октября, прорѣзать амбразуры въ своихъ траншеяхъ и поставить значительное число орудій? Утро 5-го Октября было довольно туманное, солнушко свѣтило тускло, какъ бы нехотя, — видно стыдилось оно смотрѣть на беззаконныя, богопротивныя дѣла враговъ нашихъ! — Было шесть часовъ утра. По всей длинѣ непріятельской линіи засверкали огоньки, раздались громкіе выстрѣлы и залпы съ Англійскихъ и Французскихъ траншей, полетѣли бомбы и ядра на наши укрѣпленія и бастіоны, особливо же на бастіонъ

Малахова кургана. Страшная канонада гремѣла не умолкая; ужасно ревѣли пушки непріятельскія, извергая изъ себя смертоносные снаряды, которые крестили воздухъ въ разныхъ направленіяхъ. Вмѣстѣ съ вражескою пальбою началась также пальба безпрерывная и съ нашихъ укрѣпленій; наша артиллерія — дай Богъ ей здоровья! — хорошо дѣйствовала и успѣшно, нанося непріятелямъ и ихъ траншеямъ сильный вредъ и разрушеніе. Воздухъ сгустился отъ дыму такъ, что солнце казалось намъ блѣднымъ мѣсяцемъ, и тускло свѣтило. Всѣмъ было работы вдоволь; всѣ, начиная съ Главнокомандующаго до простаго, послѣдняго солдата были заняты обороной Севастополя. Ну, любез-

ный, начальство, наше—командиры и офицерство, — не дадутъ отвѣта Богу! Всѣ они, подъ градомъ непріятельскихъ ядръ и бомбъ, служили службу Царю вѣрную: не жалѣли себя, не смущались духомъ и, какъ Русскіе, не боялись смерти, глядѣвшей имъ въ глаза. Всѣ они были какъ на ученьи, вездѣ распоряжались хладнокровно, своимъ примѣромъ ободряли насъ солдатъ и показывали собою намъ, какъ можно стоять крѣпко за Вѣру, Царя и Отечество!

Андрей.

Ну, а Свѣтлѣйшій былъ ли во время бомбардированія Севастополя?

Сидоровъ.

Да развѣ ты не солдатъ, что спрашиваешь? Вѣстимо былъ! Былъ

онъ вездѣ, гдѣ видѣлъ болѣе опасности, гдѣ со смертію, того и гляди что встрѣнешься: ну, однимъ словомъ, князь Меншиковъ вполнѣ оправдалъ Царское къ нему довѣріе, и собою показывалъ примѣръ какъ командирамъ нашимъ, такъ и намъ солдатушкамъ.—Полетъ непріятельскихъ снарядовъ былъ направленъ на всѣ пункты Севастопольскихъ укрѣпленій; но, въ продолженіи этой бомбардировки, болѣе прочихъ бастіоновъ досталось бастіону № 3-го, на которомъ я находился въ это время. Ядра и бомбы градомъ сыпались на этотъ пунктъ съ Англо-Французскихъ батарей, и кажись, по человѣческому разсужденію, должны бы были истереть насъ въ пыль и прахъ; но Господь милосердый не

допустилъ восторжествовать надъ нами чужеземцамъ, и всемогущая десница Его защитила насъ отъ злобы и ярости враговъ нашихъ. Страшно-опасно было это мѣсто, слѣдовательно и славно для ратовавшихъ на немъ. Непріятель, кажется, устремилъ все свое вниманіе на нашъ бастіонъ и такъ сильно громилъ его, что въ продолженіи дня три раза у насъ была замѣняема орудійная прислуга новою прислугою. Вотъ въ этомъ пунктѣ и въ этотъ страшный день выказалось ясно, какъ сильна, непреодолима въ Русскихъ любовь къ Царю и Отчизнѣ, какъ крѣпка въ нихъ присяга на вѣрность службы: идетъ смѣна солдатъ на этотъ бастіонъ, идетъ ужъ почти на вѣрную смерть; — но

идетъ не съ горемъ и боязнію, а съ веселіемъ непритворнымъ, да съ громкими залихватскими пѣснями.— Служатъ службу не изъ-подъ неволи наши солдатушки; а каждый изъ нихъ старается превзойти другаго своею усердною службой и у всѣхъ у нихъ примѣрныя и достойныя похвалъ стойкость и мужество. Могутъ ли такъ служить царямъ своимъ наши незваные заморскіе гости? — Нѣтъ! не хватитъ у нихъ супостатовъ на это ихъ натуры; не служить имъ такъ, какъ служитъ русскій человѣкъ свою присяжную службу! А умираютъ-то какъ наши, видывалъ ли ты?—Умираютъ, какъ подобаетъ то солдату и христіанину: ранятъ православнаго солдатушку— руку что ли или ногу ему оторветъ

ядро, или цѣлый полбокъ выхватитъ — не застонетъ нашъ солдатъ, не заохаетъ; а пошлетъ поклонъ задушевный всѣмъ близкимъ его сердцу людямъ—роднымъ и товарищамъ своимъ—перекрестится съ вѣрою и заснетъ на вѣки вѣчные спокойно, съ твердою надеждою, что душа его отправится къ престолу Всевышняго. Сильно ли бомбардировала враги наши этотъ пунктъ. Настоящее было, братецъ ты мой, свѣта представленіе: день былъ удушливо-знойный, совершенно безъ вѣтерка, дымъ ходилъ ходуномъ—бѣлаго свѣта не видать было. Сперва съ однихъ траншейныхъ непріятельскихъ батарей шелъ страшный непрерывный пушечный громъ и страшные залпы, а потомъ, съ половины пер-

ваго часа по-полудни, началась канонада по Севастополю съ четырнадцати Французскихъ кораблей, тоявшихъ въ морѣ. Корабли открыли сильный огонь по крѣпости, особливо же противъ батарей № 10-го, Александровской и Константиновской; открыли столь сильный огонь, что отъ разстилавшагося дыма не стало видно моря — дымъ совершенно закрылъ его отъ нашихъ глазъ.

Андрей.

То-то, небось, много поврежденій нанесли вражьи дѣти—Англо-Французы — крѣпости нашей!

Сидоровъ.

Ну нѣтъ! Богъ не допустилъ враговъ нашихъ причинить намъ боль-

шаго вреда, какъ они не старались это сдѣлать. Непрерывавшійся отъ восхода солнечнаго до самой ночи страшный непріятельскій огонь и тысячи бомбъ и ядеръ съ батарей и судовъ вражескихъ не сдѣлали Севастопольскимъ укрѣпленіямъ и сотой доли того разрушенія, какого бы можно было ожидать. Александровская и Константиновская батареи, а также и батарея № 10-го, за которыя болѣе всего должно было опасаться, понесли самыя незначительныя поврежденія; изъ бастіоновъ, дѣйствовавшихъ противъ траншейныхъ батарей, многіе вовсе не тронуты, кромѣ бастіона № 3-го, на которомъ я находился и о которомъ я уже разсказалъ.—Ну, однимъ словомъ сказать, что громадными

силами непріятеля такъ мало нанесено крѣпости вреда, что всѣ поврежденія въ ней не только были исправлены совершенно въ ночь на 6-е Октября, а нѣкоторыя мѣста даже и лучше укрѣплены. Враги, союзники противниковъ Креста ничего не выиграли у православныхъ защитниковъ Его; не только ничего не выиграли, но и понесли съ своей стороны важныя потери: батареи наши не шутили съ ними, пороху да снарядовъ не тратили задаромъ; а посылали врагамъ на заѣдки мѣткіе чугунные гостинцы, которые укладывали не десятками, а большими сотнями незваныхъ гостей, укладывали ихъ на вѣки вѣчные на землю русскую, и задали имъ крѣпкую память о 5-мъ Октяб-

тябрѣ. Такъ они мои красавицы пушечки дѣйствовали хорошо и удачно, что къ вечеру—глядь поглядь!—пороховой складъ у Французовъ вспыхнулъ и съ ужаснымъ трескомъ взорвался на воздухъ—пушки ихъ замолкли, угомонились; прошло послѣ сего малую-толику времени и у господъ Англичанъ осталось въ дѣйствіи только двѣ пушки, которыя вскорѣ и совсѣмъ прекратили пальбу. Ну, да имъ больно хорошо досталось; не только имъ и траншеямъ имъ досталось, да и кораблямъ ихъ малую-толику поднесли препорядочное угощеньице: одному кораблику рангоутъ подбили, а два другіе загорѣлись отъ нашихъ каленыхъ ядеръ.

Андрей.

Ну, — а тебя-то ранили въ этотъ день, или нѣтъ?

Сидоровъ.

Нѣтъ! братъ. — Вотъ судьба-то что значитъ,—что ты будешь съ ней дѣлать! Кругомъ меня широко разгуливала смерть, ядра и бомбы подбивали орудія, убивали рядомъ стоявшихъ сомною товарищей моихъ; а меня — какъ заколдованнаго какого — ни одинъ вражескій снарядъ и не тронулъ въ этотъ день. Видно, что такъ судьба еще не пришла мнѣ въ это время быть раненымъ. Всю ночь на 6-е Октября мы проработали: хлопотали, чинили и то и се, что было повреждено въ крѣпости. Во всю эту ночь, во многихъ мѣс-

тахъ въ Севастополѣ — и тамъ и сямъ—слышались залихвацкія пѣсни работавшихъ солдатъ, которые, совершенно не заботясь о томъ, что, какъ говорится, у нихъ непріятель на носу былъ, веселились и съ нетерпѣніемъ дожидались дневнаго свѣта, чтобъ опять вступить въ бой съ врагами нашими. Нѣкоторые изъ солдатъ, а также и изъ офицеровъ, собравшись въ небольшія кружки, разсказывали дѣла прошедшаго дня; разсказывали о подвигахъ солдатскихъ, офицерскихъ и генеральскихъ, совершенныхъ въ этотъ день при бомбардированіи крѣпости. Такъ прошла ночь, и наконецъ настало утро. Туманъ надъ моремъ былъ наигустѣйшій такой, что, едва, едва сквозь него виднѣлись непріятель-

скіе корабли, которые казались намъ какими-то огромнѣйшими тѣнями. Вскорѣ мы увидали, что эти корабли потянулись по направленію къ Херсонскому маяку—видно, чинить-ся да лечиться отправились.—Началась опять съ траншей канонада по Севастополю; но эта канонада въ сравненіи со вчерашнею была только слабою тѣнью ея. Въ этотъ день непріятели болѣе всего пытались разгромить укрѣпленія на башнѣ Малахова кургана и батареи, устроенныя въ этой части; но какъ ни-ратовали враги противъ этого мѣста, но нисколько почти не успѣли нанести ему вреда. На нашъ же 3 бастіонъ, который мы въ ночь прошедшую не только что отдѣлали заново, но и усилили его еще при-

стройкой къ нему батареи,—на этотъ бастіонъ Англійскія траншеи дѣйствовали мало, почти ничего. Что же касается до Французовъ; то они 6 Октября совершенно не участвовали въ бомбардированіи Севастополя. Вотъ, послѣ полудня, огонь съ Англійскихъ батарей сталъ все тише и тише, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ прекратился. Что за притча такая? думаемъ мы; или ужъ Англичанинъ и совѣсть сталъ знать, или ужъ уморился что ли онъ? А вышло-то на повѣрку вотъ что: незваныхъ любезныхъ гостей нашихъ потревожили Русскія войска съ тылу. По приказанію Свѣтлѣйшаго князя Меншикова, Генералъ-Маіоръ Семякинъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ двинулся изъ деревни Чоргунъ на Балак-

лавскія высоты и, какъ снѣгъ на голову, вдругъ показался въ тылу Англійскаго лагеря. Всполошились красные Англійскіе солдаты, пошла у нихъ сумятица, и стало имъ ужъ не до Севастополя: стали суститься они, строиться и потянулись по направленію къ Балаклавѣ. Эко горе какое! думаю я товарищи мои нѣкоторые ранены, а нѣкоторые и убиты; а мнѣ нѣтъ и царапины — пожалуй подумаютъ, что я трусу праздновалъ и прятался отъ непріятельскихъ ядеръ—стыдъ головѣ, да и только! — Не успѣлъ подумать, какъ — шишь! — что-то горячо и больно стало ногѣ; хочу укрѣпиться не тутъ-то было — повалился; хочу встать — нѣтъ силъ, какъ будто къ землѣ я приросъ! Эхъ! сказалъ ря-

домъ — стоявшій со мною капитанъ эхъ! братъ Сидоровъ, видно врагъ на прощаньи съ нами послалъ тебѣ гостинецъ, отъ котораго придется твоей милости быть безъ ноги. «Отъ боли говорить-то не хотѣлось, а подумалъ только я про себя: какъ у тебя языкъ-то повернулся — быть безъ ноги! — ужъ больше и не служить мнѣ что ли, по твоему!—Нѣтъ, любезный! — мнѣ этого не хочется—не приведи Богъ, чтобъ это случилось! Буду молиться Господу день и ночь, чтобъ послалъ мнѣ исцѣленіе. Видно моя молитва дошла къ Небу: ногу мою осмотрѣвъ; Его Высокоблагородіе нашъ докторъ невелѣлъ пилить ее, прибавивъ радостное для меня словечко:» хоть бы и нужно пилить ногу, да жалко

солдата — можетъ быть и безъ операціи дѣло обойдется.» Дай Богъ здоровье Его Высокоблагородію—нога моя пошла на вылечку.

Андрей.

Позавидуешь — право слово — твоему счастью, Сидоровичъ, что Богъ привелъ тебя быть въ такой страшной баталіи. Ужъ навѣрно Батюшка Царь пришлетъ начальству и всѣмъ солдатушкамъ Свое Царское спасибо. Знаетъ то Богъ и видятъ добрые люди, какъ драгоцѣнно Русскимъ воинамъ Царское доброе слово, какъ мило оно имъ!—милѣй отца, матери, милѣй любезной жены и дѣтей своихъ!

Сидоровъ.

Вѣрно ты говоришь, Андрюша! — эта истина неоспоримая: нѣтъ лю

безнѣе, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе для Русскаго, — какъ получить въ награду неоцѣненное спасибо отъ Царя Милосердаго! Заслужишь Царю, примѣрно сказать, на копѣйку; а Онъ Батюшка наградитъ тебя цѣлымъ рублемъ! Вотъ нашъ Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ напишетъ Батюшкѣ Государю—ужъ непремѣнно напишетъ! — что мылъ Твое Христолюбивое воинство оборонялo Севастополь мужественно, ничего не жалѣло: ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни,—забывало о себѣ совершенно; а помнило только о долгѣ службы своей и о присягѣ на вѣрность Тебѣ и Отечеству. Напишетъ Адмиралъ, что мы не трусили, не робѣли отъ ядеръ и бомбъ непріятельскихъ, не боялись смерти; а слу-

жили такъ, какъ подобаетъ служить православному, вѣрному Русскому солдату. Прочтетъ Государь и порадуется; порадуется и вымолвитъ нашъ Отецъ: «спасибо вамъ, мои молодцы несравненные! Я увѣренъ, что вы вѣрные мои слуги; Я мылъ вашѣ старый знакомый и всегда уважалъ васъ; Я горжусь вами и благодарю васъ, дѣтушки!» (*) — А! что ты скажешь на это?

Андрей *(со слезами на глазахъ).*

Что тебѣ скажу я, когда нѣтъ словъ выразить мое благоговѣніе къ нашему доброму Государю. Видишь мои слезы,—они тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый изъ глубины души моей. *(Потомъ перекрестясь начинаетъ*

читать народный гимнъ: Боже Царя храни! Въ продолженіи его

(*) Слова Сидорова вскорѣ послѣ этого сбылись: вотъ копія съ Приказа Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, даннаго въ Гатчинѣ, Ноября 3-го дня 1854 г

«Начальникъ Главнаго Морскаго Шта«ба Его Императорскаго Величества, «Адмиралъ князь Меншиковъ, донося «Государю Императору объ участіи «чиновъ Черноморскаго Флота въ му«жественной оборонѣ Севастополя, изла«гаетъ между прочимъ;» священнымъ долгомъ себѣ поставляю свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о безпримѣрномъ самоотверженіи и о ничѣмъ неколеблемой добростіи духа Флотскихъ экипажей. «Ни «ежедневныя потери, ни тягость службы «на бастіонахъ, ни воздвигающіяся предъ «ихъ глазами новыя батареи непріятеля

чтенія прочіе раненные солдаты съ умиленіемъ произносятъ тихимъ голосомъ читаемое Андре-

---

«ни неумолкаемый громъ орудій, денно и «ноцно потрясающій воздухъ и землю, «ничто не въ состояніи заставить ихъ «умалить хоть на минуту исполненіе сво- «его долга; напротивъ все это только «усиливаетъ ихъ рвеніе и они соперни «чаютъ другъ передъ другомъ въ муже- «ствѣ и отвагѣ, весело отстаивая стол- «близкій ихъ сердцу Севастополь.»

«Государь Императоръ соизволилъ от- «вѣчать князю Меншикову слѣдующими «милостивыми словами: «Меня счастли- «вить геройская стойкость нашихъ не- «сравненныхъ моряковъ, нестрашимыхъ «защитниковъ Севастополя: Господь воз- «дастъ имъ за все ихъ доблестные подвиги «которымъ и примѣру еще не бывало. Я, «счастливъ, что зная моихъ моряковъ —

емъ, и почти при каждомъ куплетѣ творятъ на себѣ знаменіе

«Черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тог-
«да очевидцемъ, что имъ никогда и ни-
«чего нѣтъ не-возможнаго, былъ увѣренъ,
«что эти несравненные молодцы вновь
«себя покажутъ, какими всегда были и
«на морѣ и на сушѣ. Вели имъ сказать
«всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всег-
«да ихъ уважавшій, ими гордится и
«всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ сво-
«ихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Пе-
«редай имъ эта слова въ приказѣ, а
«Флигель-Адъютанту князю Голицыну,
«велѣлъ объѣхать всѣ экипажи съ моимъ
«поклономъ и благодарностію.

«Объявляя съ сердечною радостію всѣмъ
«чинамъ Балтійскаго Флота сіе милости-
«вое слово Государя Императора, о Чер-
«номорскихъ товарищахъ нашихъ, Я
«увѣренъ, что весь Балтійскій Флотъ

креста, молясь въ душѣ своей?).

«приметъ оное съ глубокою признатель-
«ностію, а когда наступитъ и для него
«часъ вступать въ бой съ врагами Право-
«славнаго Отечества, то покажетъ что
«всѣ чины его достойны столь же мило-
«стиваго отзыва Государя и что мы до-
«стойны нашихъ Черноморскихъ сослу-
«живцевъ.»

Подписалъ: Управляющій Морскимъ Министерствомъ.

«КОНСТАНТИНЪ.»

(Морск. Сборн.)

Боже! Царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,

Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспосли!
Перводержавную,
Русь православную
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храны!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,

Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!
О провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспосли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ,
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная
Сердцу сіяй!—

Сидоровъ.

Ну, Андрюша, дай Богъ тебѣ здоровье, — уважилъ ты насъ, желать здравія Батюшкѣ Царю — нашъ

долгъ. Спасибо, Андрюша! (*Прочіе солдаты говорятъ такіе: «Спасибо, молодецъ! Спасибо!»*)

Андрей.

Ты, Сидоровичъ, разсказалъ намъ про бомбардированіе Севастополя; а ни чего не упомянулъ, много ли потерпѣло потерь наше христолюбивое воинство?

Сидоровъ.

Самая тяжелая потеря съ нашей стороны — даже безъ слезъ не могу и вспомнить! — убитъ у насъ знатнѣйшій генералъ, начальникъ Штаба Черноморскаго Флота Генералъ-Адъютантъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Добрѣйшій былъ

генералъ—вѣчная ему память и Царство небесное! *(Всѣ солдаты крестятся и говорятъ: «вѣчная ему память и царство небесное!* — Жилъ онъ родимый нашъ, какъ благочестивый христіанинъ и вѣрный слуга Царю, и умеръ по христіански: онъ и при послѣднемъ вздохѣ своемъ вспоминалъ о Царѣ и Отечествѣ и о своихъ подчиненыхъ.

Андрей.

Вотъ, если бы ты, Сидоровичъ, потрудился разсказать намъ о смерти этого генерала; то много бы одолжилъ насъ этимъ.

Сидоровъ.

Самъ я не видалъ, ни какъ ранило ядромъ Его Превосходительство

и ни того, какъ онъ скончался; а потому тебѣ я не могу въ подробности передать всего объ этомъ, а разскажу тебѣ какъ самъ слышалъ изъ разговоровъ гг. Офицеровъ. Лишь только началась стрѣльба по Севастополю съ непріятельскихъ траншей, Адмиралъ Корниловъ поскакалъ во весь опоръ, въ сопровожденіи Адъютантовъ, прежде всего на бастіонъ № 4-го, какъ на главнѣйшій пунктъ и центръ нашей позиціи. Въ это время на этотъ бастіонъ ядра непріятельскія летѣли непрерываясь одно за другимъ, одно за другимъ, и не давали, что называется, перевести духу нашимъ солдатушкамъ ни минуты. Пріѣхалъ онъ сюда голубчикъ, вездѣ самъ осматривалъ, распоряжалъ, ласковыми

словами окураживалъ артиллеристовъ; а у самаго у него родимаго такъ вишь глаза и горятъ и сверкаютъ храбростію и отвагой. Съ 4 бастіона онъ переѣхалъ на 5 й. На этомъ бастіонѣ Капитанъ Лейтенантъ Ильинскій (контуженный вскорѣ послѣ сего), любя Вице-Адмирала и боясь, чтобъ его не ранили или не убили бы, осмѣлился сказать ему: «Ваше Превосходительство! зачѣмъ вы ѣздите по бастіонамъ, развѣ вы не увѣрены въ насъ?» Я васъ прошу уѣзжайте отсюда; я вамъ ручаюсь — я исполню сіе долгъ. «Вице-Адмиралъ возразилъ«: зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ; мой долгъ — видѣть всѣхъ. На этомъ бастіонѣ замѣтилъ Генералъ, что тутъ былъ

недостатокъ воды для питья; и послалъ одного изъ Адъютантовъ своихъ, приказавъ ему, чтобъ онъ распорядился доставкою ея на этотъ пунктъ. Такимъ образомъ объѣхавъ многія мѣста нашихъ Севастопольскихъ укрѣпленій въ то время, когда на нихъ сыпались градомъ непріятельскія ядра, Вице-Адмиралъ возвратился домой, куда вскорѣ пріѣхалъ къ нему Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Владиміръ Алексѣевичъ изъ своей квартиры отправился съ княземъ Меншиковымъ по дорогѣ къ Графской пристани. Князь отправился на сѣверную сторону, а Корниловъ съ своими адъютантами поскакалъ опять на бастіонъ № 4, что около бульвара. Прибывъ туда, онъ долго разговаривалъ съ Полков-

никомъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Поповымъ и дѣлалъ ему начальническія приказанія о томъ, какія должно будетъ принять распоряженія въ случаѣ штурмованія этого бастіона. Потомъ, объѣхавъ кругомъ южной бухты, прибылъ Адмиралъ на нашъ 3-й бастіонъ, что за Татарской слободкой. Я тебѣ ужъ сказывалъ, какъ было опасно это мѣсто, гдѣ, можно сказать, смерть разгуливала широко, куда каждую минуту летѣли непріятельскія ядра и бомбы десятками, сыпались сюда градомъ и многихъ выхватывали изъ числа артиллеристовъ и другихъ солдатъ. Какъ ни опасно было это мѣсто, но присутствіе духа въ Корниловѣ оставалось непоколебимымъ этотъ Генералъ съ невозмутимымъ

спокойствіемъ отдавалъ свои приказанія, подходилъ почти къ каждому солдату, ласково разговаривалъ съ ними и возбуждалъ въ нихъ своими поступками ревность и усердіе къ службѣ. Отъ насъ потомъ онъ отправился на Малаховъ курганъ, гдѣ тоже жарня была порядочная! Здѣсь одинъ изъ адъютантовъ его былъ контуженъ и, хотя эта контузія была довольно сильна, однакоже онъ поспѣшно всталъ и послѣдовалъ за Владиміромъ Алексѣевичемъ. Когда Генералу Корнилову предлагали нѣкоторые изъ приближенныхъ его — отправиться домой; то онъ сказалъ «нѣтъ! постойте, мы поѣдемъ еще къ Бутырскому и Бородинскому полкамъ; а потомъ уже госпитальной дорогой возвратимся домой. Такимъ

образомъ Вице-Адмиралъ объѣзжалъ всѣ опасныя мѣста почти до самаго полудня. Наконецъ пожежалъ онъ ѣхать домой, и пошелъ съ адъютантами къ лошадямъ. Въ это время непріятельское ядро поразило его страшнымъ ужаснѣйшимъ ударомъ, оторвавъ у него лѣвую ногу у самаго живота. Вице-Адмиралъ вдругъ упалъ; офицеры подхватили его на руки, принесли его къ батареѣ и положили за брустверомъ между орудіями—вскорѣ онъ обезпамятѣлъ. Послали за лекарями на первый перевязочный пунктъ; вскорѣ пріѣхалъ опытнѣйшій хирургъ Лаврентьевъ, осмотрѣлъ пораженную ядромъ ногу Вице-Адмирала. Послѣ сего раненный былъ перенесенъ на носилкахъ на перевязочный пунктъ,

Во все время жестокихъ страданій своихъ, онъ не испустилъ ни единаго стона, не сказалъ ни одной жалобы на нестерпимую боль—шуточное ли дѣло: ногу всю оторвало! — но въ мученіяхъ своихъ онъ думалъ только о долгѣ службы: когда офицеры несли его на рукахъ къ батареѣ (какъ выше было сказано) онъ говорилъ имъ: «отстаивайте Севастополь! а на перевязочномъ пунктѣ, онъ отдавалъ разныя порученія своимъ адъютантамъ. Пришелъ священникъ, исповѣдалъ и причастилъ Владиміра Алексѣевича; послѣ причастія онъ сказалъ священнику:» скажите моимъ сыновьямъ, чтобы они вѣрно служили Царю и Отечеству. Потомъ прибавилъ онъ: «спаси, Господи, Царя и

Россію; сохрани Севастополь и Черноморскій Флотъ! Я счастливъ, что умираю за Отечество! Обратясь къ окружавшимъ его, Владиміръ Алексѣевичъ сказалъ:» кланяйтесь всѣмъ скажите имъ, какъ сладко умирать когда совѣсть чиста. Предъ самою почти кончиною пришли ему сказать, что Англичане и Французы дѣйствуютъ только двумя пушками; тогда онъ закричалъ: ура! — и вскоре отошелъ въ вѣчность. — Вотъ какъ умиръ Генералъ-Адъютантъ Вице-Адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ! Вотъ каковы были въ предсмертныя минуты слова его, слова человѣка, которымъ всегда будетъ гордиться Отечество, слова вѣрнаго до смерти своей слуги Царскаго, слова вельможи Русскаго,

любимаго любовію задушевною всѣми подчиненными его!—Упокой, Господи, душу раба твоего Владиміра въ селеніяхъ Праведныхъ Твоихъ!— (*Всѣ солдаты съ печалію и умиленіемъ произносятъ: «вѣчная ему память и Царство Небесное!* — Вдали раздаются звуки барабана, бьющаго вечеровую зорю.)

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе разсказа Сидорова о смерти Вице-Адмирала Корнилова, не излишнимъ считаю привести здѣсь выписки двухъ Высочайшихъ Рескриптовъ, которыми Государь Императоръ и Государыня Императрица соизволили осчастливить вдову Вице-Адмирала Корнилова.

Высочайшій Рескриптъ

на имя вдовы Генералъ-Адъютанта Вице-Адмирала Корнилова.

Елисавета Васильевна! Славная смерть вашего мужа лишила Нашъ Флотъ одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ, а Меня одного ихъ Моихъ любезнѣйшихъ сотрудниковъ, которому Я предназначилъ продолжать полезные труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего Флота и вашей горести, Я не могу болѣе почтить память покойнаго, какъ повторивъ съ уваженіемъ послѣднія слова его: «я счастливъ, что умираю за Отечество.» Россія не забудетъ этихъ

словъ, и дѣтямъ вашимъ переходитъ имя, почтенное въ исторіи Русскаго Флота.»

Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Гатчина 14-го Октября 1854 г.

—

2-й.

Высочайшій Рескриптъ отъ Государыни Императрицы данный на имя вдовы Вице-Адмирала Корнилова.

Елисавета Васильевна! Судьбамъ Всевышняго угодно было посѣтить васъ тяжкимъ несчастіемъ: вы лишились достойнаго супруга вашего, Генералъ-Адъютанта Корнилова, павшаго героемъ при защитѣ Севастополя. Но не вы однѣ оплакиваете славную смерть его: вамъ сочувствуетъ Государь Императоръ, Отечество, весь Черноморскій Флотъ, который справедливо гордился имъ и въ лѣтописяхъ котораго имя его останется незабвеннымъ. Въ этой отрадной увѣренности и въ Христіанской покорности волѣ Божіей да найдете вы возможное въ настоящемъ положеніи вашемъ утѣшеніе.

Съ Моей стороны, принимая въ скорби вашей самое искреннее участіе и желая въ лицѣ вашемъ поч-

тить заслуги покойнаго, Я, съ соизволенія Его Императорскаго Велилерственныхъ дамъ Ордена *Святыя Великомученицы Екатерины второй степени*, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклонною.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРА.*»

Въ Гатчинѣ, 15-го Октября 1854 г.

—

Въ оффиціальной части «Морскаго Сборника» напечатана слѣдующая копія съ собственноручно написаннаго Высочайшаго повелѣнія отъ 12 Октября 1854 года.

Вдовѣ покойнаго Генералъ-Адъю-

танта Корнилова, падшаго при оборонѣ Севастополя производить изъ Государственнаго Казначейства, вмѣстѣ съ дѣтьми, по 5,000 руб. сер., независимо пенсіона, слѣдующаго ей изъ Инвалиднаго Комитета.—Сыновей въ Пажи.

Бастіонъ, гдѣ онъ убитъ, назвать по немъ, Витали заказать памятникъ ему, который воздвигнуть на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ.

КОНЕЦЪ.

Оик iv 24446